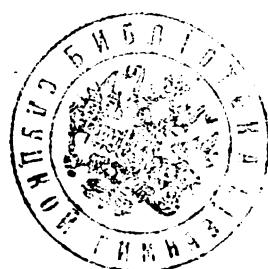
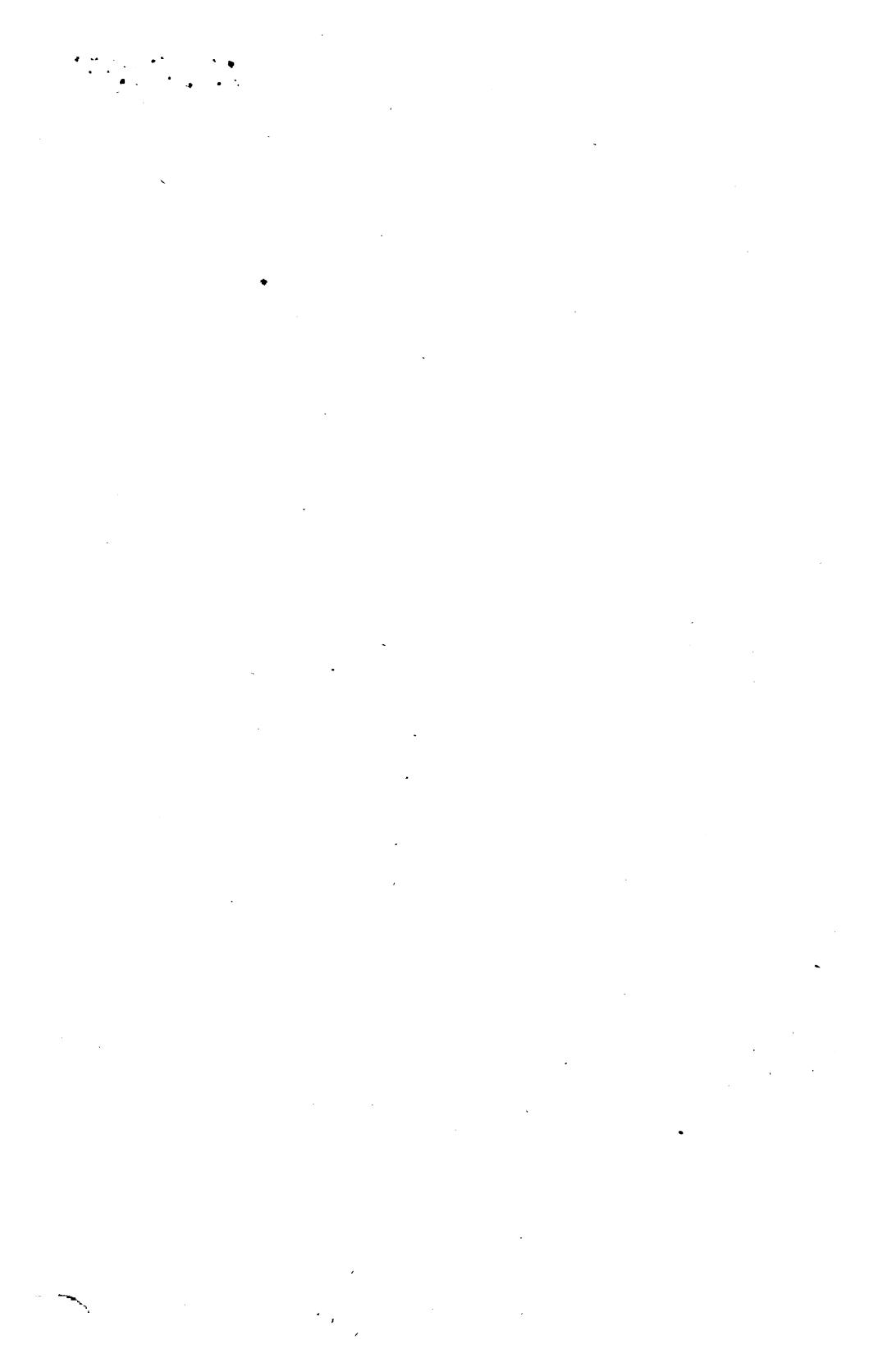

V. N 299.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНИЕ

Н. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА РИМСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ И ДРЕВНЕЙ ФИЛОЛОГИИ.

*Da veniam scriptis, quorum non gloria nobis
Causa, sed utilitas officiumque fuit.*

OVID.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го ноября 1863 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемое сочинение уже давно было напечатано въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданій (въ Отеч. Зап. и въ Русскомъ Вѣстн.) и въ Актахъ Петербургскаго Университета. Тщательно пересмотрѣвъ и значительно дополнивъ эти разбросанныя изслѣдованія, въ которыхъ Гораций является политическимъ дѣятелемъ, частнымъ человѣкомъ и главою литературной школы, я рѣшился издать ихъ отдѣльною книгой, въ полной увѣренности, что сколько нибудь добросовѣтныя монографіи, по предметамъ классической древности, могутъ принести нашимъ образованнымъ читателямъ свою долю пользы. Можетъ быть, иные думаютъ, что для русской литературы не наступило время подобныхъ монографій, такъ какъ она до сихъ поръ еще не имѣеть даже простыхъ и сколько нибудь замѣчательныхъ учебниковъ по наукамъ, относящимся къ области классической филологии. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Мнѣ кажется, что у насъ много еще нужно трудиться для того, чтобы возбудить въ массѣ читателей любовь къ изученію древняго міра, а этого, по моему убѣженію, мы достигнемъ скорѣе всестороннимъ уясненiemъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому міру, чѣмъ сухими учебниками, пользы которыхъ я, разумѣется, нисколько не отвергаю. Нѣть сомнѣнія, что и у насъ довольно найдется образованныхъ людей, достаточно подготовленныхъ къ чтенію такихъ книгъ, какъ «Гораций и его время», такъ какъ это сочиненіе имѣетъ въ виду не отдѣльный какой нибудь и специальный вопросъ, а цѣлый, и при томъ самый интересный и наиболѣе всякому знакомый періодъ римской исторіи. Еще больше нуждаются у насъ въ подобныхъ книгахъ молодые люди, изучающіе классическую древность не только въ университетахъ, но и въ гимназіяхъ. Этихъ читателей

лей я преимущественно имѣлъ въ виду при изданіи моего «Гораци». Здѣсь они могутъ, между прочимъ, близко познакомить-
ся съ значительной частію сатиръ и посланій римского поэта,
которая я старался передать на русскій языкъ почти въ дослов-
номъ переводѣ. Что же касается лирическихъ произведеній Гораци,
то я постоянно приводилъ ихъ въ переводѣ г. Фета, же-
ляя придать моему сочиненію болѣе оживленный характеръ.
Этотъ переводъ, конечно, нисколько не выдерживаетъ филоло-
гической критики, но, во всякомъ случаѣ, пріятно, что за та-
кое дѣло взялся замѣчательный художникъ. Надѣюсь, наконецъ,
что и преподаватели латинскаго языка, особенно тѣ изъ нихъ,
которые живутъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и лишены воз-
можности имѣть подъ рукою значительный запасъ разныхъ на-
учныхъ пособій, благосклонно примутъ посильный мой трудъ,
не смотря на всѣ его недостатки. Если эти преподаватели при-
знаютъ, что онъ значительно облегчаетъ знакомство съ тѣмъ
изъ римскихъ поэтовъ, произведенія котораго уже давно сдѣ-
лались настолькою книгой въ нашихъ гимназіяхъ, то цѣль моя
будетъ вполнѣ достигнута. Я не имѣлъ притязанія превѣрить
все, что до сихъ поръ было писано о Гораци, считая подоб-
ный трудъ не только лишнимъ, но и невозможнымъ. Уже въ
«Bibliotheca Horatiana», которая появилась въ 1775 г., въ
Лейпцигѣ, перечень сочиненій, относящихся къ Горацио, за-
нялъ 160 стр. Можно себѣ представить, какіе огромные раз-
мѣры принялъ бы этотъ каталогъ въ настоящее время! Мно-
жество сочиненій о Горацио, на которыхъ я ссылаюсь въ моей
книгѣ, составляютъ только малую долю того, что написано объ
этомъ поэтѣ. Впрочемъ, ихъ совершенно достаточно было для
окончательного уясненія моего собственного взгляда на главна-
го представителя золотаго вѣка римской литературы. Могу
сказать, что это тотъ самый взглядъ, который, относительно
личности Горацио, господствуетъ въ современной наукѣ.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

1.

«Потомство всегда справедливо. Правда, вначалѣ оно передаетъ хвалу и порицаніе въ томъ же видѣ, въ какомъ получаетъ ихъ отъ предшествующаго времени, но потомъ, мало-по-малу, устанавливаетъ имъ настоящую прѣну. Считаться при жизни или даже полстолѣтія послѣ смерти великимъ человѣкомъ еще не доказательство истиннаго величія; но считаться такимъ человѣкомъ изъ вѣка въ вѣкъ — доказательство неопровергимое. Точно такъ же и наоборотъ. Писатель не читается своими современниками и ихъ внуками: это несчастіе, но еще не доказательство его негодности. Только тогда, когда внуки внуковъ не получать охоты къ чтенію этого писателя, дѣлается очевиднымъ, что онъ никогда не заслуживалъ быть читаемымъ¹⁾.

«Потомство не можетъ также вѣчно не признавать доблестей и пороковъ. Я очень хорошо понимаю, что первыя могутъ быть впродолженіе извѣстнаго времени запятнаны, а вторые изукрашены; но, что этому суждено быть такъ всегда, не допускаетъ меня вѣрить высшій разумъ, приводящій все въ гармонію, священные слѣды котораго я открываю даже въ томъ, что находится въ зависимости отъ людской прихоти. Этотъ высшій разумъ является отъ

¹⁾ Это послѣднее явленіе встрѣчается въ литературахъ образованнѣхъ народовъ гораздо-рѣже, чѣмъ первое. Особенно рѣзкимъ примѣромъ долговременного непониманія геніальности писателя служитъ Шекспиръ, и его-то, можетъ быть, имѣлъ въ виду знаменитый нѣмецкій критикъ, которому принадлежатъ приведенные слова.

времени до времени людей, для которыхъ нѣтъ большаго наслажденія, какъ вооружаться противъ людскихъ предразсудковъ и показывать все въ настоящемъ свѣтѣ, хотя бы при этомъ предполагаемый герой добродѣтели долженъ быть превратиться въ злодѣя, а злодѣй въ героя добродѣтели. Я самъ-частичка — хотя бы и трильонная частичка — потомства (въ отношеніи къ людямъ прежнихъ поколѣній), не знаю другаго болѣе пріятнаго занятія, какъ обозрѣвать имена знаменитостей, изучать ихъ права на бессмертіе, смыть съ нихъ незаслуженныхъ пятна и лживую подмазку, которою прикрыты ихъ слабости — словомъ, въ мірѣ нравственномъ дѣлать то же, что физически исполняетъ человѣкъ, которому вѣренъ надзоръ надъ картинною галлереей.

«Такой человѣкъ обыкновенно между множествомъ картинъ находится нѣсколько такихъ, которыя онъ любить предпочтительно предъ прочими и на которыхъ онъ не дастъ сѣсть ни одной пылинкѣ. Я остаюсь при своемъ сравненіи и говорю, что уважаю нѣкоторыхъ геніальныхъ людей до того, что не допущу, на сколько это отъ меня зависитъ, клеветѣ тяготѣть на ихъ памяти».

Такимъ великимъ человѣкомъ былъ для Лессинга Гораций и приведенные слова геніальный нѣмецкій критикъ помѣстилъ почти въ самомъ началѣ своей извѣстной статьи, написанной въ защиту римскаго поэта ²⁾. Всѣ знаменитые филологи нашего времени, глубоко изучившіе творенія Горация и эпоху, которой онъ является главнымъ представителемъ въ литературѣ своего народа, вполнѣ раздѣляютъ съ Лессингомъ это высокое мнѣніе о его любимцѣ. Виландъ, Фридрихъ Якобъ, Пассовъ, Цумпть, Валькнеръ, Веберь — все это жаркие сторонники Горация, проникнутые безграничнымъ уваженіемъ къ его личности, какъ человѣка и писателя. Я называю здѣсь только ученыхъ, и то далеко не всѣхъ, посвятившихъ особья монографіи изученію нашего поэта, и умалчиваю о коментаторахъ и издателяхъ Горация, перечень которыхъ до безконечности увеличилъ бы списокъ его почитателей ³⁾. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ и Нибура (въ его недавно изданныхъ лекціяхъ о римской исторіи).

²⁾ См. Lessing's sammelte Schriften. 4 Bd., стр. 199. Berlin, 1825. Статья, на которую мы указываемъ, называется «Rettungen des Horaz».

³⁾ Виландъ, впрочемъ, не написалъ особой монографіи о Горации, но взглядъ этого знаменитаго знатока классической древности на римскаго поэта ясно выражается во многихъ примѣчаніяхъ къ сатирамъ и посланіямъ Горация. Указываемъ въ-особенности на замѣчательное введеніе

Въ то же время ни одинъ изъ писателей древности не подвергался такимъ ожесточеннымъ нападкамъ, со стороны чистоты своихъ нравственныхъ убѣждений, какъ Гораций. Духъ партіи, невѣжество, заносчивость, тупоуміе—все соединилось въ одинъ голосъ для того, чтобы унизить въ глазахъ общества человѣческое достоинство знаменитаго друга Мецената и Августа ⁴⁾). Эти порицатели Гораций большую частью люди, которымъ римская древность знакома только по слухамъ. Между ними, сколько намъ известно, довольно видное мѣсто въ наукѣ занимаютъ въ настоящее время только Шмидтъ ⁵⁾ и Тейфель, рѣзкій отзывъ котораго о римскомъ

Вилянда къ 1-му посланію Горация II-й книги. См. Horazens Briefe etc. von Wieland. Leipzig, 1790. II Th., въ самомъ началѣ. Въ V-мъ томѣ «Vermischte Schriften» Якобса (Leipzig 1834) помѣщены цѣлый рядъ не большихъ, но изящныхъ статей его о Горации. См. въ-особенности стр. 318 и слѣд. Пассовъ предполагалъ изслѣдованіе о Горации, подъ заглавиемъ: «Q. Horatius Flaccus», своему изданію посланію римского поэта (текстъ и нѣмецкой переводъ), которое появилось въ Лейпцигѣ, въ 1833 году. Рассужденіе Цумпта, подъ заглавиемъ, «Ueber das Leben des Horaz und die Zeitfolge seiner Gedichte, namentlich der Satiren», помѣщено какъ введение къ сатирамъ Горация, изданнымъ Вюстеманномъ. Эта книга, составляющая переработку гейдорфова изданія сатиръ Горация, появилась въ Лейпцигѣ, въ 1843 году. Сочиненіе Валькнера (въ 2-хъ томахъ) «Histoire de la vie et des poésies d'Horace etc... par M. le baron Walckenaer, membre de l'Institut de France (Paris 1840) замѣчательно во многихъ отношеніяхъ... Здѣсь рядомъ съ французскою фразою, отъ которой не всегда могъ удержаться авторъ, мы находимъ очень живое и изящное изложеніе предмета. Притомъ авторъ вездѣ выказываетъ знакомство свое съ нѣмецкою ученой литературою, незнаніе которой составляетъ, какъ известно, слабую сторону очень-многихъ французскихъ филологовъ. Замѣчательная монографія Вебера издана подъ заглавиемъ: Q. Horatius Flaccus als Mensch und Dichter. Jena, 1844. Долгомъ считаемъ замѣтить, что ученымъ и копотливымъ изслѣдованіямъ Вебера, мы въ особенности обязаны многими подробностями о Горации, которыхъ читатели найдутъ въ предлагаемой статьѣ. Образцомъ взгляда англійскихъ ученыхъ на Гораций можетъ отчасти служить статья, помѣщенная въ «Современникѣ» 1851 г. (въ мартовской книжкѣ), подъ заглавиемъ: «Гораций и его времена.» Статья эта переведена изъ «Edinb. Review.» Авторъ ея горячо стоитъ за Горациемъ. На другія сочиненія о Горации, которыхъ я имѣлъ подъ рукою, будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь не о нашей литературѣ, гдѣ еще не было ни одного сочиненія о Горации, которое бы обличало въ авторѣ серьезное и внимательное изученіе римского поэта, а о богатыхъ лите-

ратурахъ Запада.

⁵⁾ Gesch. der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums. Berlin 1847. Лучшій историкъ

поэтъ вызвалъ недавно строгое и справедливое осуждение въ нѣмецкой ученой критикѣ⁶⁾). Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что впослѣдствіи, при болѣе зрѣломъ и внимательномъ изученіи твореній Гораций, Тейфель убѣдился въ необходимости измѣнить или, по крайней мѣрѣ, значительно смягчить свой пристрастный и заносчивый взглядъ на римскаго поэта. Въ Германіи труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, безнаказанно упорствовать въ ложномъ взгляде на предметъ. Тамъ уже давно всѣ истинно-просвѣщенные писатели согласны въ томъ, что всякий ученый трудъ, съ притязаніемъ на прочное значение въ наукѣ, не долженъ быть отголоскомъ мнѣній какой-нибудь школы, или партіи, не долженъ быть разсчитываемъ на одобрение ежедневно менѣяющагося мнѣнія и взгляда на вещи, а долженъ являться результатомъ добросовѣстнаго изученія предмета и плодомъ убѣжденія, всегда почтеннаго, если толь-

римской литературы, Бернгарди, опровергаетъ взглядъ Шмидта въ своемъ *Grundriss der röm. Literatur* на стр. 222, прим. 172 и стр. 250, прим. 193.

6) См. *Charakteristik des Horaz v. Wilhelm S. Teuffel*. Leipzig, 1842.—Странный взглядъ Тейфеля на Гораций былъ вполнѣ опровергнутъ, въ особенности Любкеромъ (въ *Neue Jen. Literaturzeit*, въ 1842 г., № 299) и Веберомъ (въ *Hallische Allgem. Literaturzeit*. 1843 г., въ августовской тетради). Впослѣдствіе этихъ критическихъ статей, взглядъ автора на Гораций значительно измѣнился. Тейфель, между-прочимъ, послалъ къ Веберу письмо, въ которомъ старался его увѣрить, что никакъ не имѣть цѣлью нарушить уваженіе къ такой значительной и гениальной личности, какъ Гораций. См. обѣ этомъ у Вебера, въ предисловіи къ его монографіи о Гораций, стр. IX—X. Въ слѣдующемъ (1843) г., Тейфель издалъ въ Тюбингенѣ новую брошюру (отдѣльный оттискъ статьи о Гораций, приготовленной для «Реальной Энциклопедіи» Паули), подъ заглавиемъ: *Horaz. Eine literarhistorische Uebersicht v. W. S. Teuffel*. На стр. 5-й предисловія къ этой брошюре авторъ благодарить своихъ критиковъ (въ особенности Любкера) за то, что они уяснили ему вопросъ о значеніи Гораций. Тейфель признается, что прежній его взглядъ на этого поэта невѣренъ и произошелъ отъ смѣшения античной лирики съ новѣйшою (*Die Verwechselung von antiker und moderner Lyrik*.) Въ отношеніяхъ Гораций къ Августу, авторъ признается (стр. 16) искренность и чистоту убѣждений римскаго поэта и ставить его, какъ нравственнаго человѣка, выше Виргилія и Овидія. Вообще въ рассматриваемомъ трудахъ Тейфеля мы не встрѣчаемъ больше выражений въ родѣ «Kammerdienerische Lebensansicht», то-есть камердинерскій, или лакейскій взглядъ на жизнь (изъ чего, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что Гораций былъ сыномъ *римского камердинера*, какъ выразился не очень давно одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ), какими наполнена первая его брошюра. Мы не безъ цѣли распространились здѣсь о Тейфельѣ. Его воззрѣніе на Гораций, отъ котораго, какъ мы видѣли, онъ самъ впослѣдствіи отрекся, отчасти про-

ко источникъ его чистъ и не загрязненъ примѣсью постороннихъ побужденій, неимѣющихъ ничего общаго съ наукой ⁷⁾).

Нѣкоторые издатели Горація также немало способствовали невыгодному мнѣнію о личности нашего поэта. Нужно признаться, что между ними немало встрѣчается людей, которымъ, при объясненіи древнихъ классиковъ, не следовало бы идти дальше грамматического толкованія разныхъ словъ и оборотовъ, представляющихъ болѣе или менѣе трудностей въ этомъ отношеніи. Одного изъ послѣднихъ издателей Горація, Орели, можно также упрекнуть въ несправедливости къ этому писателю; но въ особенности этому упреку подлежитъ Дёригъ и нѣкоторые другие составители такъ называемыхъ школьніхъ изданій, нерѣдко открывающіе въ произведеніяхъ Горація слѣды лести Августу тамъ, где ея совсѣмъ нѣтъ ⁸⁾.

Осуждая Горація, мы осуждаемъ всѣхъ лучшихъ представителей самого блестящаго периода римской литературы. Горацій стоять въ этой литературѣ не отдельно отъ другихъ, не одиноко. Онъ членъ знаменитой семьи поэтовъ, проникнутыхъ однимъ убѣжденіемъ, къ которой принадлежать лучшіе и возвышенные умы современного ему общества: Виргилій, Варій Руфъ, Проперцій, Овидій—всѣ эти (употребимъ выражение нашего поэта) *viri Mercuriales*, писатели, безъ которыхъ римская древность лишилась бы столько своего обаянія, а римская литература, конечно, не заслуживала бы того восторженного изученія, какое выпало ей на долю въ новомъ

никло и въ нашу литературу, что легко замѣтить тѣ, которые внимательно слѣдятъ за ея ходомъ. Мы бы желали избѣгнуть полемики, но готовы твердо стоять за тотъ взглядъ на Горація, который выработался въ умѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей современной науки, хотя бы пришлось при этомъ ратовать противъ людей, нами уважаемыхъ.

7) Повторяемъ здѣсь мысль, которую высказалъ Шлоссеръ, въ предисловіи къ своему извѣстному сочиненію: «Universalhistorische Uebersicht der Geschichte der alten Welt», Frankfurt a. M. 1830.

8) Для доказательства ограничимся однимъ примѣромъ, хотя ихъ можно привести множество. Такъ Горацій въ самомъ началѣ посланія къ Юлію Флору (I, 3), находившемуся въ свитѣ Клавдія Тиберія Нерона, который управлялъ въ то время Сиріей, обращается къ своему пріятелю съ слѣдующими словами: «Мнѣ хочется знать, Юлій Флоръ, въ какихъ странахъ ратуетъ теперь Клавдій, пасынокъ Августа?» Дёригъ замѣчаетъ къ этому мѣсту, что не было никакой нужды въ словахъ «пасынокъ Августа», и что Горацій пользуется только случаемъ съ почетомъ (?) упомянуть объ Августѣ. Нелѣпость такой придирики до-того очевидна, что мы оставимъ ее безъ всякаго опроверженія.

мирѣ. Прежде чѣмъ произнесемъ рѣзкій судъ надъ этими знаменитыми именами... подумаемъ немного. Не-уже-ли все это не больше, какъ льстцы и рабы Августа? Или Римъ и его слава были имъ болѣе чужды, чѣмъ нашему времени? или они не досмотрѣли того, что видимъ мы съ высоты нашего воображаемаго величія?

Горацій льстецъ; но кто же послѣ этого не льстецъ? Ограничимся примѣрами изъ римской литературы и спросимъ: какъ можно лесть Горація сравнить съ лестью Овидія Августу, Лукана (въ первыхъ книгахъ Фарсаліи) Нерону, Марціала и Стациемъ—Доміціану? Не говоримъ о другихъ писателяхъ, напримѣръ, о Веллѣ Патеркулѣ и Валеріи Максимѣ, которые стараются представить намъ какимъ-то героемъ Тиберія. А Цицеронъ? Загляните въ его рѣчи: какой лести и какихъ укоровъ, смотря по обстоятельствамъ, вы не найдете тамъ Суллѣ, Помпею и Цезарю? Горацій славилъ Августа менѣе, чѣмъ суровый его предшественникъ—Сципіона. Луцилій, какъ извѣстно, посвятилъ цѣлую поэму наувѣковѣченіе памяти о подвигахъ своего героя. Но Сципіонъ, скажутъ намъ, оказалъ великія услуги Риму; а развѣ Августъ не оказалъ ихъ своему государству? Горацій не льститъ Августу, когда говоритъ, что онъ заперъ храмъ Януса, успокоилъ міръ, унизилъ враговъ Рима и доставилъ ему уваженіе въ отдаленнѣйшихъ странахъ: все это историческая правда и, следовательно, не лесть. Притомъ мы не должны забывать, что, славя Августа, Горацій не боялся въ то же время открыто славить Катона и Брута, и въ этихъ двухъ неприміримыхъ, повидимому, крайностяхъ, какъ мы надѣемся доказать, не было, по отношенію къ нашему поэту, никакого психологического противорѣчія. Горацій — мы убѣждены въ этомъ — искренно чувствовалъ услуги, оказанныя Августомъ его родинѣ и, что главное, видѣлъ эти услуги близко, при самомъ ихъ источникѣ, а это много значитъ.

Новыхъ читателей Горація, особенно не-вполнѣ-знакомыхъ съ условіями древне-классического быта, непріятнѣе всего, разумѣется, должна поражать апоѳеоза Августа, встрѣчаемая въ твореніяхъ римского поэта, напримѣръ, въ его одахъ. Мы еще возвратимся къ вопросу о значеніи ея въ древности, но и теперь имѣемъ полное право спросить: справедливо ли смотрѣть на это явленіе съ нашей точки зрѣнія? Не ведеть ли такой взглядъ къ искаженію истории? Кто же въ наше время не понимаетъ, что историческая критика должна быть примѣняема не только къ оценкѣ литературныхъ произведеній, но и нравственного характера ихъ авторовъ,

особенно принадлежащихъ вѣкамъ отдаленнымъ и подчиненнымъ многоразличнымъ условіямъ, нисколько-непохожимъ на тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ развивается современный намъ бытъ? Вообще, требовать отъ древняго писателя, чтобы онъ былъ героемъ нашего времени, смотрѣть на него съ высоты того идеала, который мы имѣемъ о нравственномъ человѣкѣ, было бы крайне неразумно. При такомъ судѣ ни одинъ изъ древнихъ писателей — если только мы взглянемъ на него не поверхностно, а постараемся, на сколько это возможно, проникнуть въ изгибы его сердца — не выдержитъ нашей критики. Мы далеки отъ мысли ставить нашъ вѣкъ слишкомъ-высоко въ нравственномъ отношеніи; но кто же не согласится, что современный человѣкъ имѣетъ всѣ средства стоять не только умственно, но и нравственно выше древняго человѣка, который даже въ религіи не могъ найти твердой опоры для своей колеблющейся совѣсти. Христіанство, рыцарство, страшныя потрясенія, небезплодно-прошедшія для исторіи, карающій голосъ общественного мнѣнія — вотъ великия выгоды и нравственные за-воеванія нашего вѣка, которыхъ не имѣлъ древній міръ.

Мы нисколько не намѣрены возводить личность Горація въ идеалъ добродѣтели, какъ тѣ дѣлаютъ нѣкоторые слишкомъ-усердные его защитники. Горацій, безъ-сомнѣнія, не избѣгъ многихъ человѣческихъ слабостей, и мы даже готовы признать слѣды ихъ въ его произведеніяхъ; но это нисколько не мѣшаетъ намъ смотрѣть на него, какъ на человѣка, честно и благородно-исполнившаго свое призваніе. Мы вполнѣ согласны съ Тейфелемъ въ томъ, что Горацій не герой (*Horaz ist kein Held*), но съ условіемъ, впрочемъ, что герои вообще большая рѣдкость между людьми. Человѣкъ большую-частью является намъ смѣщеніемъ добрая начала съ недобрымъ, и безусловного совершенства мы не ищемъ подъ луною, или, по крайней мѣрѣ, не требуемъ его отъ всякаго исторического дѣятеля. Не признавая Горація героемъ, мы, однако, убѣждены въ томъ, что выставить его замѣчательною нравствен-ною личностью, съ тѣми привлекательными качествами, которыя высоко цѣнятся и въ современномъ намъ человѣкѣ, гораздо-легче, чѣмъ не только Сенеку и Саллюстія, но даже Демосѳена и Цицерона.

Кромѣ лести Меценату и Августу, римскаго поэта обвиняютъ еще во многомъ другомъ: въ развратѣ, въ эгоизмѣ, въ недостаткѣ воинскаго мужества и т. д. О степени справедливости этихъ обви-неній подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, а теперь только

замѣчу, что всѣ они, по отношенію къ Горацио, занимаютъ въ монихъ глазахъ второстепенное мѣсто.

Главное обвиненіе, до-сихъ-поръ еще повременамъ слышное въ европейской наукѣ и, по мнѣнію многихъ, лежащее несмываемымъ пятномъ на памяти Горация—это его отступничество отъ того дѣла, за которое онъ, при первой своей встрѣчѣ съ жизнью, ухваталился съ такимъ горячимъ и благороднымъ порывомъ юности. Дѣйствительно, въ жизни Горация мы встрѣчаемъ двѣ эпохи, въ которыхъ онъ является намъ совершенно другимъ человѣкомъ. Жаркаго приверженца Брута и Кассия, сражавшагося при Филиппахъ, хотя и не очень храбро, за римскую республику, мы находимъ впослѣдствіи въ рядахъ сторонниковъ Октавіана, и притомъ—передовыемъ глашатаемъ его политической реформы. Какъ согласить это противорѣчіе? Какимъ образомъ, безъ оскорблениія вѣковыхъ преданій своего народа, могъ Гораций сдѣлать этотъ исторический шагъ отъ одной крайности къ другой?

Для оцѣнки Горация, какъ нравственной личности, недостаточно остановиться на фактѣ, что онъ изъ республиканца сдѣлался впослѣдствіи другомъ Августа. Дѣло въ томъ: произошла ли эта перемѣна въ душѣ поэта отъ какого-нибудь эгоистического и корыстного разсчета, или была слѣдствіемъ искренняго его убѣжденія въ необходимости для Рима политики Октавіана. Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть, имѣло ли это новое убѣжденіе Горация разумное основаніе.

Странно обвинять человѣка зрѣлыхъ лѣтъ въ томъ, что онъ не остался постоянно такимъ же юношой, какимъ былъ когда-то. Съ лѣтами надѣ безотчетнымъ чувствомъ беретъ верхъ холодный разсудокъ. Необходимость подобнаго измѣненія заключена въ самой природѣ человѣка, физической и нравственной, и потому не только психологія, но и физіология достаточно уясняютъ намъ причины этого явленія. Одновременно съ силами, дѣйствующими въ тѣлѣ человѣка, происходитъ процессъ развитія въ духовномъ его составѣ. Не излишне ли послѣ этого предлагать вопросъ: отчего Гораций въ сорокъ лѣтъ былъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ двадцать? Это другими словами: отчего Гораций не остался вѣчно юнымъ? Отъ того, отвѣтимъ мы, что это была натура самостоятельная и способная къ развитію, которая не могла остановиться на первыхъ впечатлѣніяхъ юности. Есть, конечно, не мало людей, которые останавливаются на нихъ, въ которыхъ эти впечатлѣнія опредѣляютъ весь послѣдующій характеръ ихъ жизни. Гораций не

принадлежалъ къ числу этакъ вѣчныхъ юношей. Нашъ поэтъ былъ слишкомъ-гениаленъ для-того, чтобы послѣдующая его жизнь, въ которую онъ привыкъ вдумываться, не оставила на немъ своихъ слѣдовъ.

Увлеченіе, въ извѣстный періодъ жизни, идеей даже утопическою, то-есть такою, которая оказывается впослѣдствіи непримѣнною къ окружающей насть дѣйствительности, представляетъ явленіе отрадное въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ объ избыткѣ внутренней жизни въ человѣкѣ. Такое увлеченіе составляетъ огромный шагъ впередъ, въ-сравненіи съ ориентальною апатіей, которая иногда тяжело лежитъ надъ цѣльымъ обществомъ. Но эти благородные порывы юности, благодѣтельные потому, что нерѣдко на всю жизнь оставляютъ въ душѣ человѣка много доброго, не должны быть, однако, крайнимъ предѣломъ его нравственнаго развитія. На противъ, въ свое время они должны уступить мѣсто болѣе-спокойному, и потому болѣе-эрѣному взгляду на жизнь. Исключаетъ ли такой практическій взглядъ на окружающій міръ сочувствие всему благородному и высокому, или отвращеніе отъ всего низкаго и пошлаго? — нисколько.

Итакъ, нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ съ лѣтами мѣняется. Осудимъ человѣка тогда, когда новый взглядъ на вещи образуется въ немъ не вслѣдствіе разумной перемѣны убѣжденія, а подъ вліяніемъ непохвальныхъ постороннихъ цѣлей; когда онъ, какъ нѣкоторые изъ французскихъ писателей-протеевъ, послѣдовательно мѣняетъ свой цвѣтъ вмѣстѣ съ республикою, съ юльскимъ правленіемъ, съ Бурбонами, Наполеонами и т. д. Мы увидимъ, что не таковъ былъ Горацій. Какъ истый Римлянинъ и человѣкъ геніальный, онъ, во вторую половину своей жизни, постепенно пришелъ къ убѣждению въ томъ, что побужденіемъ всякаго политического дѣятеля (а такимъ является намъ Горацій, не смотря на то, что онъ постоянно избѣгалъ административнаго вліянія на общественные дѣла), должна быть не абстрактная истина, а практическая ея примѣнимость. Горацій понималъ, что такой дѣятель часто долженъ отказываться отъ притязанія измѣнить дѣйствительность и отъ желанія жертвовать ею общимъ началамъ. Свой образъ дѣйствія онъ долженъ согласовать не съ созданіями отвлеченной мысли, а съ потребностями роднаго ему народа. Вотъ кому, часто по неволѣ, долженъ повиноваться политический дѣятель, а не приносить дѣйствительность въ жертву теоріи, если она, не смотря даже на всѣ свои достоинства, не по плечу умственному